

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ
ЧЕРКАСОВ

ПОЛИНА ДМИТРИЕВНА
МОСКВИТИНА

Конь Рыжий

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Серия «Русская классика»

Серийное оформление и дизайн обложки *Р. Алеева*

Черкасов, Алексей Тимофеевич.

Ч-48 **Конь рыжий** : [роман] / Алексей Тимофеевич Черкасов, Полина Дмитриевна Москвитина. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 800 с. — (Русская классика).

ISBN 978-5-17-183615-3

«Конь Рыжий» — вторая часть знаменитой трилогии «Сказания о людях тайги», продолжение романа «Хмель».

Сибирь 1917 года, Россия на пороге Гражданской войны. Деревня Белая Елань разделилась на два лагеря — никому не удалось остаться в стороне от происходящих событий. Сделать выбор предстоит и главному герою романа — хорунжему Нюю Лебедю по прозвищу Конь Рыжий. Удастся ли ему, справедливому, вдумчивому и смелому казаку, остаться верным себе и своим убеждениям и не пожалеть о принятых решениях? «И как там будет завтра, послезавтра? Погибель или здравие? К добру или к худу утащит за собой суматошное время?..»

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-183615-3

© А. Т. Черкасов, П. Д. Москвитина,
наследники, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

СЫНУ АЛЕКСЕЮ ПОСВЯЩАЕМ

Из одного гнезда птенцы,
да в разные стороны птицами
разлетаются.

Бытие рыжих лебедей

I

Во времена оные, незапамятные, когда за Каменный пояс — Урал — перевалили отважные русские казаки вольницы Ермака Тимофеевича, закрепляясь на берегах Иртыша и Тобола, появились в Сибири первые казачьи поселения — станки, городища, а много позднее — станицы. Одной из таких станиц был Таштып у синих гор Саянских.

Проживал в Таштыпе казак Василий Васильевич Лебедь, из донских. Служил он верою и правдою царю и отечеству в Крыму, где сыскал себе красавицу женушку из семьи бедного столяра, да и сам не из богатых был; выпало ему на долю быть первым в боях с японцами в Южной Корее, где его контузило от взрыва снаряда. И говорил потом рыжий казачина: кабы не командующий генерал, который не подбросил подмогу русскому гарнизону, то он, славный донской казак, вернулся бы в отчий курень не рваным и драным, а непременно в Георгиях и звонких медалях.

Тем временем в родной станице Качалинской на берегу Верхнего Дона братья Василия поделили имущество и землю, и битому вояке мало чего досталось. Встретила его женушка, Анастасия Евстигнеевна, с тремя сынами: Василием, старшим, названным в честь деда, как шло из рода в род у Лебедей, головастым Ноем, нареченным именем прародителя рода людского, и малым пятилетним Иваном — вот и все богатство, да еще мазанка отца, старого Лебеда, с матушкой Марфой

Никитичной, а на базу — один конь, тупорогий вол да еще пестрая буренушка.

Два брата служивого успели обжить собственные курени, отделившись от старого Лебеда, два других — женились на богатых казачках и ушли из дому. Еще до того, как вернулся служивый из чужедальней Маньчжурии, сыновья его успели побывать в Юзовке на шахте, да ничего не заработали — уголек-то горькой солью оmyвается, а не деньгами. Созвал престарелый рыжий Лебедь сынов своих на семейный совет и сказал так:

— Все вы для меня и матери как вот пять пальцев на руке — не оторвать без боли и крови ни единый. Однако, Григорий, и ты, Михаил, заобидели старшего брата, имя которого мое, как он первым народился, и по роду нашему — глава куреня. Али забыли то?

Рыжебородые братья — плечо к плечу, чуб в чуб, не забыли то, но в чем виноватит их батюшка?

— Гутарю я, вы слушайте! — призвал старик сынов, расправив надвое длинную огненную бороду. А на груди его вся выкладка из крестов полного георгиевского кавалера, ордена Болгарии за освобождение от ига турецкого, а через плечо по старому мундиру — георгиевская лента о трех черных и двух желтых полосах с бантом. — Наш род, сыны мои, сыспокон века славен воинством, не богатством. Нету такой войны, в которой не воевали бы Аленины-Лебеди за землю Русскую. Вышел из нашего куреня Алениных, какая у нас была фамилия до того, как стали звать нас Лебедами, Яремей сын Тимофеев, атаман знатный. Сказывают, будто род Алениных почался от самых первых казаков, какие за сто годов до царствия Ивана Великого пришли на Дон и тут жить стали.

Яремей, а как по прозвищу — Ермак, третьим был сыном у Тимофея Аленина, самым отчаянным. Созвал батюшка сыновей в курене и повелел вынуть по пруту из веника. У кого будет короткий прут, тому уйти из куреня в Астраханское воеводство, которое охраняло Дон от бусурман-турок и от татар крымских. Вынул Яремей короткий прут, ушел в войско, удалю и смелостью прославился, атаманом стал; награду поимел от воеводства — шашку турецкую ковки дамасской в золоте с прописью. Как было потом, никто не ведаст:

ушел из войска Яремей Тимофеевич, на Волге вольницу отчаянных людей собрал, на стругах летали, боярские и царские вотчины шупали, за что и били их немалым числом. Сам Иван Грозный повелел лютой казнью порешить всех, особо назвав атаманов: Ермака, Ивана Кольцо и Матвея Мещеряка из станицы Качалинской, от которого род ведет наш станичный атаман, Григорий Анисимович, неслыханно разбогатевший конным заводом на казенных землях.

Приметил Ермака башковитый Строганов — на Урале заводы имел, соль варил, железо ковал и торг вел с кучумской Сибирью. Сказал Строганов Ермаку: ступай с вольницею за Камень — там земля Сибирская под бухарским Кучумом-ханом. Нету, говорит, на той земле ни ладу, ни складу: кучумцы бусурманскому Магомету молятся, а дикари-сибирцы — зверю и лесу, ясак не платят, богатства ногами топчут. Без той земли, говорит Строганов Ермаку, не жить России — простору не будет. Завоюй для царства Сибирь — и милости великой сподобишься.

И пошел Ермак с казаками и атаманами за Урал-Камень воевать того Кучума. Четыре года бились, потеснили войско орды, да не уберегся атаман: кучумцы подстерегли, напали на сонных, и утонул наш Ермак Тимофеев в Иртыше. В песнях навек прославился, а Сибирь прислонилась к царству Российскому.

II

— А теперь слушайте далее, сыны мои! Жили мы куrenom у отца: пятеро братьев, как вот вы у меня, да еще четыре сестры. Хоть и немало повоевали Лебеди за землю Русскую, а богатства не завоевали. Отчего? Что приплыло от воинских почестей, то и уплыло само собой, как Дон воду несет к богатым низовским станицам. А земли наши известны, и промысла нету!

Созвал нас батюшка на совет, и долго мы гутарили: как и чем жить? На богатых ли станичников горбятся али в шахты уйти, как внуки два года мытарилась и рваными вернулись? И тогда сказал отец мой, который опосля Крымской войны из Севастополя вернулся при

наградах и четырех раненьях: «Корень наш от Ермака во земле Сибирской, и не след нам, Лебедям, забывать про ту землю».

Рыжие чубы повисли вниз...

— Как Ярмак со своими братьями, тянули мы прутики из веника. Дяди ваши — Кондратий и Леонтий — вынули короткие; еще до чугулки поехали со скарбом в Сибирь — мы отдали им все, што имели, как деньгами, так и добром. Знаете, живут теперь в станице Таштып и не жалуются и стала им земля Сибирская родней донской. Али не так?

Призадумались братья Лебеди.

Старый Лебедь поглядел на каждого из сынов, погладил раздвоенную бороду, будто пламя разметнул, уставился на малого Ноя; а этот малый, не обиженный Богом силушкой, на пятнадцатом году вскидывал на плечо чувал с пшеницею в шесть пудов и не гнулся.

— Ноюшка, подь ко мне!

Братья Лебеди догадались: пошлет за веником.

Старого Лебеда опередил Василий.

— Не будем тянуть жребий, батюшка, — сказал он, выдержав суровый взгляд отца. — Братья своими куренями живут, и для них-то земли мало. К чему им трогаться? Ехать надо мне с семьею.

— Ах! — вскрикнула Анастасия.

— Видит Господь, от сердца говорю, старший сын мой, пусть будет так, — ответил старый Лебедь. — И не станет меж братьями злобы, а дружба восторжествует. А вы, сыны мои, остаетесь здесь, на славном Доне, окажите помощь старшему брату. Соберите деньги, кто сколько может, выделите что из скарба, скотины, имущества. У кого нету денег — займите. А я пропишу братьям в Таштып. — Глянул на седенькую жену Марфу Никитичну: — Вынь из мово сундука шашку Яремееву, Евангелие, какое носил с собой всю турецкую кампанию с иконкой Богородицы, отца моево.

Старуха принесла из маленькой горенки шашку, завернутую в отбеленный холст, Евангелие с иконкой Богородицы и положила на стол перед хозяином куреня.

Старик вылез из застолья, развернул шашку, держа ее на вытянутых руках, подозвал Василия:

10 — Перекрестись, сын мой.

Василий перекрестился.

— Передаю тебе боевую шашку Яремея Аленина, яко Лебеда. Не потреби ее во зло.

Василий принял шашку, поблагодарил отца за доверие, поцеловав золотой эфес.

— Ежли призовут на войну сынов твоих, — наказывал старый Лебедь, — передашь Ною; к нему имею великое доверие; не запамятуй то.

— Не запамятуй, батюшка, — ответил Василий.

Старик взял Евангелие с иконкой, подошел к Ною, положив руку на его плечо, сказал:

— Сие Писание, Ноюшка, с ним я гнал турков из Болгарии и немало видывал смертей и баталий. Передаю тебе с иконкою, и ты помни то в Сибири! Блюда слово Господне — не забижай всеу других людей.

— Я и так никого не забижаяю, — ответил внук.

— Знаю то! Господи! Кабы не бедность наша, послал бы тебя в войсковое училище, и стал бы ты славный офицер для державы. Ну да доброе сердце подскажет тебе линию жизни. Таперь идите, сыны, с Богом. За неделю собрать надо Василия. До Воронежа проводим. А тебе скажу, невестушка Анастасия, не точи слезы: в Сибири не одни каторжные и ссыльные проживают. Василий знает, какую неслыханную смелость и геройство показали они на японской.

III

Василий Лебедь с сыновьями и женошкой Анастасией Евстигнеевной отбили поясной поклон Дону и поехали на двух бричках лицом к восходу солнца — в Сибирь. На чугунке погрузились в товарный вагон вместе с двумя разномастными конями, коровою, истелью, скарбом и немало времени тянулись эшелонам в просторные земли за Уралом. От Красноярска плыли на пароходе до Минусинска по Енисею, а окрест лохматилась желтая осень. И тайга подступала к берегам, какую во снах не видывали. Потом на бричках дорога в Таштып. Ковыльные степи, серебрящиеся на солнце, где нагуливались отары овец и косяки лошадей, а деревня от деревни — семь верст киселя хлебать. На пашнях шатрами возвы-

шались суслоны и скирды хлеба, стога сена по долинам. Дух захватывало от размашистого простора, невиданного на Дону.

Дяди — Кондратий и Леонтий Васильевич, — такие же рыжие, как и старый Лебедь, встретили племянника с семьею гулянем на целую неделю; жили они справно в крестовых домах, а в надворьях — амбары с хлебом, скотные дворы.

Приписался Василий Лебедь к Енисейскому казачьему войску, сменил красные лампасы на желтые. За два года поставили пятистенный дом — благо лес был под рукою, кедровый, сосновый, — живи не тужи!..

Прибавлялась семья. Одна за другой появлялись на свет люди твоя, Господи, женского полу: Харитинья, Лизавета, Анна, Прасковья, и на исходе бабьего века народилась Евлампия, которая, не прожив трех недель после крещения, была «заспана» матерью — о чем не очень-то сокрушался отец.

По семнадцатому году богатырской силушки сын Ной в горном Урянхайском крае, где казаки несли пограничную службу, подружился с отчаянным лоцманом, гонявшим салики по бурным и опасным рекам двуглавого Енисея — Бий-Хему и Каа-Хему, — и до того наторел в плавании, что век бы не расставался с диким краем, где проживали сойоты в берестяных и войлочных чумах, а среди них русские поселенцы из староверов, некогда бежавшие от православной церкви и самодержавия. Вольной волюшки набрался Ной по самую маковку. И действительную службу довелось ему отбыть в Урянхае, в казачьем гарнизоне Белоцарска.

Шли годы. Обжились Лебеди в Таштыпе. Замылся в памяти отчий курень старого Лебеда, умершего в Качалинской, и давно отошла с миром матушка Василия Васильевича, да и с братьями разминулся. Мужали сыновья, отбыв действительную службу. Старший, Василий, женился на сибирской казачке — у батюшки Лебеда появились внучки. Жить бы миром и согласиём, да самодержец всея Руси, помазанник Божий, царь Николай Второй призвал казаков первой очереди в армию.

Было Василию двадцать шесть лет от роду, Ною — двадцать четыре.

И сказал рыжий батюшка Лебедь сынам: свое никому не отдавайте, чужого напогляд не берите и не вводите себя в искушение — грех будет. Служите верою и правдою царю и отечеству, как я служил, как отец мой служил.

— И если почнется война с проклятушим кайзером Вильгельмом, не последними будьте в казачьем полку. Лебеди всегда должны быть первыми, — напутствовал отец. — А еще скажу вам: держите шашки всегда острыми и поезжайте с Богом и родительским благословением.

Батюшка Лебедь торжественно передал шашку Яремея сыну Ною, как и заповедовал ему отец.

Братья Лебеди оседлали откормленных гнедых коней, поклонились в ноги отцу, Ной принял из рук матери дедушкино Евангелие и малую иконку Богородицы, а Василий простился с женошкой и двумя малолетними дочерьми. Ной облобызался с крестной, бабушкой Татьяной Семеновной. Напутствуя крестника на ратные подвиги, она самолично проверила казачье снаряжение — седла, потники, подковы, подпруги, ремни шашек и даже темляки на эфесах. Поклонились рыжечубые отчому дому, надворью, а тогда уже сумрачным, лохматым Саянам, где немало охотились и добывали зверя.

Любовью и разлукой светился тот день в истоке, когда братья вывели из ограды коней под седлами и ускакали на сбор к станичной управе.

Батюшка Лебедь наказал домашним: три дня ворота не закрывать, а у самого захолонуло сердце: старший сын Василий — казак надежный, а вот головастый Ной чуток подпорченный, на полевых ученьях не шибко старался, водил дружбу с поселенцами и ссыльными; ох уж эта Сибирь каторжная! Как бы греха не вышло.

IV

И вот она — война с Германией!..

Хлеба шли в налив, нескошенные травы пенились под ветром, а в станице — мобилизация.

Сполоснулась станица слезами казачек, солдаток и малых детушек.

Кому-то война выкинет козырную карту — живым быть, кому-то с мелкими козырями — калекой остаться; а кому-то бескозырное — аминь отдать. 13

В доме Василия Васильевича Лебеда печаль гнездо свила, и никто не знал, каких она птенцов высидит: черных воронят или сизокрылых голубей?

Кому угадать судьбу свою?..

В мокропогодное сентябрьское утро переступил порог дома Лебедей станичный почтальон в дождевике, с сумкой. И по тому, как он виновато вошел в переднюю избу, сняв старый картуз, перекрестился на иконы, у батюшки Лебеда подмыло душу — не иначе как черный пакет принес.

Так и есть: два казенных конверта! Одно в траурной рамке — извещение о гибели. Василия или Ноя? Другое в конверте под пятью сургучными печатями.

Слышно было, как хлестал дождь за окнами и в палисаднике пошумливала отлинялая черемуха да тикали настенные ходики, а в голове у батюшки Лебеда скипало горе: убит, убит! Один или оба?!

— Дай, Анастасия, ножик конверты вскрыть. — Супругу свою он всегда называл Анастасией, не мельчил имени.

Маленький листок бумаги, отпечатанный в типографии и заполненный писарской рукой черными чернилами: «Ваш сын, Василий Васильевич Лебедь, казак Первого Енисейского полка, в бою с неравными силами противника пал смертью храбрых...»

Анастасия истошно завопила. У батюшки Лебеда бумага выпала из рук. Невестка, вскрикнув, упала возле стола.

Свершилось! Высиделся в гнезде печальный черный ворон! Овдовела Натальюшка с двумя дочерьми, едва почав трудный бабий век.

А дождь хлещет, хлещет, черемуховые ветки шелестят по стеклам, и так-то тошно батюшке Лебедю! Вертит в пальцах пакет за сургучными печатями; черноголовый, вытянувшийся Иван смотрит на него.

— Наталия! Анастасия! Буде на первый раз, — призвал хозяин. — Ишшо долго реветь нам таперя. Второй пакет открывать али отложить до завтра? Может, сперва оплачем одного?

Подавив рыдания, вытираясь концами платков, Анастасия Евстигнеевна с невесткой подошли к столу, напряженно ждали. Батюшка Лебедь глянул на них, матюгнулся неизвестно в чей адрес, сорвал печати —

во всю ширину водянистым знаком державного орла с короною, а сверху жирный оттиск: «Ставка Командующего Северо-Западного фронта его высокопревосходительства генерала Я. Г. Жилинского».

У батюшки Лебеда мелко тряслись руки.

«Многоуважаемый младший урядник Енисейского казачьего войска, господин Василий Васильевич Лебедь». Многоуважаемый! У батюшки Лебеда прыгали перед глазами машинописные строчки. Глядя на лист, вдруг понял: бумага вовсе не о Василии! Про подвиги Ноя в Восточной Пруссии...

Четырежды награжден Георгиями!..

Переведа дух, достал кожаный кисет, свернул самокрутку, прикурил и глубоко затянулся крепчайшим самосадам.

«По личному соизволению его сиятельства, великого князя...»

Схватился руками за голову и, сотрясаясь мощным телом, разразился рыданием:

— Господи! Неслыханный подвиг свершил Ной! Как батюшка мой под Плевною и Шипкою! Славен ваш Ной перед государем и отечеством! — Рывком отодвинул от себя стул — тарелка слетела, разбившись, но никто не слышал звона: домочадцы испуганно смотрели на батюшку, а он повернулся лицом к божнице, упал на колени: — Да ниспошли мне, Господи, прозрения и твердости духа, каким ты осенил сына мово Ноя. В полные георгиевские кавалеры вышел!..

Из того же гнезда, откуда только что вылетел черный ворон, порхнул по дому сизокрылый голубь; печаль и радость в один и тот же час!

Справили Лебеди панихиду по убиенному сыну Василию, а тем временем прибыло уездное начальство чествовать георгиевского кавалера Ноя Васильевича Лебеда.

Отлили сентябрьские дожди, начались первые заморозки, и тут пришло скупое письмо от самого героя. Земные поклонны батюшке и матушке, брату Ивану, сестренкам, горькое соболезнование невестке и осиротевшим племянницам, твердости духа всей семье в годину тяжких испытаний, а в конце:

«Из бумаги штаба Ставки командования фронта вам все известно — о том писать не буду. Пеплом